

которые следовали со своими караванами для торговых целей двумя определёнными путями—в Малую Бухарию или Кашгарию. Только китайская комиссия XVIII в. для картографической съёмки Си-Юй (или западных земель) в царствование Кян-Лунь, определившая даже один астрономический пункт на озере Иссык-куль, могла иметь несколько более научный характер, потому что в голове её стояли европейские миссионеры-иезуиты. Однако и эти последние, сколько мне известно, не оставили никаких собственных реляций о путях своих около системы Тянь-шаня, и карты их, кроме астрономических пунктов, основаны на сухих, голословных маршрутах их китайских помощников».

Наибольший интерес из китайских источников представляли свидетельства путешественника VII в. Сюань-цзана, который пересёк восточный Тянь-шань с юга на север через Мусарт, долину озера Иссык-куль и вышел в долину реки Чу.

Сюань-цзан дал краткое, но для своего времени очень содержательное и правдивое описание природы Тянь-шаня.

Об озере Иссык-куль, например, Сюань-цзан писал: «С востока к западу оно очень длинно, с юга на север коротко. С четырёх сторон оно окружено горами, и множество потоков собирается в нём. Воды его имеют зеленовато-чёрный цвет и вкус её в одно время и солёный и горький. То оно бывает спокойно, то на нём бушуют волны. Драконы и рыбы обитают в нём вместе».

Из всех китайских источников описания Сюань-цзана, по удачному выражению Краснова, «первый и единственный источник, заслуживающий доверия и подробно характеризующий природу страны». Другие оригинальные источники отличались не только крайней скудостью фактического материала, но также и недостоверностью его.

«Загадочный Тянь-шань» — это выражение было так же распространено по отношению к Тянь-шаню, как выражение «terra incognita» по отношению к Центральной Азии. Гумбольдт развивал теорию вулканизма Тянь-шаня. Тянь-шань, по Гумбольдту, должен был представлять высокий снеговой хребет с альпийскими ледниками на своих вершинах и огнедышащими вулканами, расположенными вдоль всего хребта, от Туркестана до Монголии.

Мысль о тяньшанской экспедиции зародилась у Семёнова еще накануне поездки в Европу. Сам он так пишет об этом в первом томе своих мемуаров: «Работы мои по азиатской географии привели меня... к обстоятельному знакомству со всем тем, что было известно о внутренней Азии. Манил меня в особенности к себе самый центральный из азиатских горных хребтов—Тянь-шань, на который еще не ступала нога европейского путешественника и который был известен только по скудным китайским источникам... Проникнуть в глубь Азии на снежные вершины этого недостижимого хребта, который великий Гумбольдт, на основании тех же скудных китайских сведений, считал вулканическим, и привезти ему несколько образцов из обломков скал этого хребта, а домой—богатый сбор флоры